

В.Б. Зусева (Москва)

**МОТИВЫ И СЮЖЕТНЫЕ ФУНКЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ
«БЕСОВ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В РОМАНЕ А. ЖИДА «ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ»**

Андре Жид был прекрасно знаком с творчеством Достоевского. В его романе «Фальшивомонетчики» есть по крайней мере две прямых отсылки к «Братьям Карамазовым» и одна, косвенная, к «Идиоту»¹. Но сама **художественная структура «Фальшивомонетчиков» ориентирована** на роман «Бесы».

Один из главных элементов сюжета, позволяющих нам соотнести два романа, – это существование кружков, или обществ, отмеченных печатью дьявола и стремящихся потрясти основы окружающего мира. Во главе «пятерки» стоит Петр Степанович Верховенский, во главе кучки распространителей фальшивых монет и нового журнала «Очистители» – Виктор Струвилу. Вокруг себя оба создают атмосферу вседозволенности, адского шабаша, «флибустьерства», если использовать специфическое выражение Достоевского.

В «Бесах» ничем не сдерживаемая бесовская стихия постепенно набирает силу, проявляя себя в «распущенности» окружения Юлии Михайловны Лембке и достигая своего апогея на балу в пользу гувернанток губернии. **Отклонение от нормы само становится нормой.** В итоге – поджоги, убийства, буйство толпы над Лизой, сумасшествие Лембке, самоубийство Ставрогина. В то же время один из персонажей «Фальшивомонетчиков», г-н де Лаперуз, ощущает дух современности как «привыкание к злу, к греху. Притупляется чувствительность, тускнеет чистота, менее живой становится реакция: мы становимся ко всему терпимыми и все принимаем...» (С. 155). Как и Достоевский, Жид показывает читателям мир, где

захватывает власть дьявол. Это мир, в котором чинятся всяческие преступления: развращение подростков, воровство, убийства (потому что смерть Бориса – самое настоящее убийство), чеканка и распространение фальшивых денег; проще сказать мир, подвергшийся тотальной фальсификации.

Еще один важный мотив указывает на родство двух романов – это мотив связанности общим преступлением. Убийством Шатова Верховенский пытается скрепить «пятерку», а убийством Лебядкиных – привязать к себе Ставрогина. Та же ситуация наблюдается в романе Жида: желая связать руки подросткам, распространяющим фальшивые деньги, Струвилу подбрасывает Гериданисолу мысль о том, чтобы довести Бориса до самоубийства. При этом один из мотивов (быть может, главный) – инстинктивная ненависть Леона Гериданисоля к Борису: «...Гериданисоль Бориса просто не переносит. <...> Можно подумать, что при виде Бориса он испытывает инстинктивное отвращение, то самое отвращение, которое в стадии заставляет сильного набрасываться на слабого» (С. 352). В то же время рассказчик «Бесов» замечает, что Петр Степанович «ненавидел Шатова лично; между ними была когда-то ссора, а Петр Степанович никогда не прощал обиды. Я даже убежден, что это-то и было главнейшею причиной»².

На родство «Бесов» и «Фальшивомонетчиков» указывает и присутствующий в обоих романах мотив «грехов в Швейцарии». С этим локусом связаны странные, катастрофичные по финалу события. Здесь происходит женитьба Шатова, и завязывается интрига между Лизой и Ставрогиным; в «известное заведение в Швейцарии» попадает сошедший с ума Лембке; наконец, мистификация с поездкой в Швейцарию Ставрогина завершается его самоубийством. Что касается «Фальшивомонетчиков», то именно в Швейцарии впервые появляется фальшивая монета; Струвилу выпрашивает у г-жи Софроницкой «талисман» Бориса, который впоследствии Гериданисоль использует против мальчика; восторженное письмо Бернара из

Швейцарии заставляет Оливье завязать отношения с Пассаваном, что впоследствии приводит к попытке самоубийства; наконец, Эдуар склоняет г-жу Софроницкую отправить Бориса в пансион Ведель-Азаис. Вопреки традиционному представлению о Швейцарии как о земном рае, идеальном месте для формирования «естественного человека», в «Бесах» и «Фальшивомонетчиках» этот локус приобретает inferнальный оттенок.

Еще один важный момент, сближающий два романа, – это присутствие **потусторонних сил**, их персонификация и участие в действии. В исповеди отцу Тихону, которую Достоевский впоследствии исключил из романа, Ставрогин признается, «что он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям», что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и «разумное», «в разных лицах и в разных характерах»³. Дарья Павловна еще раньше восклицает:

«— Да сохранит вас Бог от вашего демона и... позовите, позовите меня скорей!

– О, какой мой демон! Это просто маленький, гаденький, золотушный бесенок с насморком, из неудавшихся» (С. 231).

В «Фальшивомонетчиках» бесы непосредственно, «без аллегии» участвуют в действии романа. Уже на первой странице сказано, что «семья к одиночеству» Бернара «относилась с почтением, а вот дьявол – нет». Гонтран де Пассаван, казалось бы, невинный, ангелоподобный юноша, над гробом отца «внезапно услышал разорвавшее тишину грубое восклицание “черт побери”, наполнившее душу его ужасом, словно кто-то другой... Он обернулся: нет, он по-прежнему один. Звонкое ругательство, первое в его жизни, вырвалось откуда-то из глубин его самого» (С. 45). Бесами одержимы чуть ли не все герои романа, как условно положительные, так и явно отрицательные.

В «Бесах» и «Фальшивомонетчиках» наблюдается одинаковая двойственность в изображении демонических сил. С одной стороны, бесы в

этих романах, так сказать, «канонические, личные, не аллегория», как о том говорит Ставрогин⁴, а с другой – это эманации героев, порождения их душ. Но если в изображении зла Жид следует за Достоевским, то область добра и святости становится предметом расхождения. Фигура ангела в «Бесах» появляется дважды, и в обоих случаях – в цитате из Откровения Иоанна Богослова: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши <...> о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3; 14–16). В первом случае это место читает Тихон Ставрогину (в исключенной впоследствии главе), во втором – Софья Матвеевна Степану Верховенскому. Необходимо отметить, что и Ставрогин, и Верховенский главным своим грехом считают именно равнодушие, принадлежность к тем, кто только «тепл». Об этом говорит перед смертью и Степан Верховенский, и Ставрогин в предсмертном письме: «Я <...> могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие. Но и то и другое чувство по-прежнему всегда слишком мелко, а очень никогда не бывает» (С. 514).

Новозаветное представление, выраженное в цитированном выше отрывке из Апокалипсиса, анализировал Ю.М. Лотман в статье «О русской литературе классического периода»: «Представление о том, что путь к добру лежит через вершину зла, покаяние, преображение, воскресение и превращение в существо более высокого порядка (ср., например, стихотворение Некрасова “Влас”), органично и для Гоголя, и для Достоевского»⁵. Ставрогин терпит фиаско на пути к воскресению, так как после достижения предельной степени зла «преломления пути» не происходит. Индивидуальная судьба героя, по-видимому, повторяет судьбу национально-исторического мира в целом: как отмечает хроникер, три месяца спустя после описанных событий (в которых, безусловно, было повинно все общество, растерявшее твердые представления о добре и зле, святости и гре-

ховности) «общество наше отдохнуло, оправилось, отгулялось, имеет собственное мнение и до того, что даже самого Петра Степановича иные считают чуть не за гения» (С. 512). Таким образом, по достижении предельной степени зла покаяния не происходит. Поэтому весь национально-исторический мир, несмотря на разоблачение «пятерки» Верховенского, остается подвержен дьявольскому соблазну.

У Жида несколько иная ситуация. Во-первых, ангелы в «Фальшивомонетчиках» наравне с бесами участвуют в действии. Один из них является Бернару Профитандье и ночью борется с ним: «И боролись они до самой зари. А потом ангел ушел, ушел не победителем, но и не побежденным» (С. 325). Очевидно, что это проекция евангельского сюжета о борьбе Иакова с Богом. Но, пока Бернар боролся с ангелом, Борис, потрясенный смертью Брони, рыдал, предаваясь отчаянию, а «Бернар и ангел были слишком заняты своим делом и не слышали его» (С. 325). Таким образом, добро оказывается отчасти скомпрометированным, как бы неабсолютным.

В отличие от «Бесов», где добро хоть и не реализуется, но предстает абсолютным, вечным и неизменным (в полном соответствии с евангельскими истинами), в «Фальшивомонетчиках» мы можем наблюдать деабсолютизацию добра. Но зато и зло как бы отчасти теряет в интенсивности. Мир жизни оказывается расположен **между добром и злом**, причем «зло мыслится как отклонение от возможностей человеческой личности, а добро как реализация их»⁶ (такую модель Лотман называет тернарной, а ту, которая реализуется у Достоевского, – бинарной). Некоторые герои в конце романа меняются к лучшему (Бернар, Жорж, Эдуар, Оливье), и, хотя бесы во главе с Робером де Пассаваном и Виктором Струвилу продолжают делать свое дело, а Леон Гериданисоль остается безнаказанным, эта ситуация не воспринимается как катастрофа, причем всего национально-исторического мира в целом (так дело обстоит в «Бесах»). Роман заканчи-

вается отрывком из дневника Эдуара, в котором утверждается благая незавершенность жизни, оправданность мира самим фактом его бытия.

По-видимому, этические позиции, выраженные в «Бесах» и «Фальшивомонетчиках», коррелируют с особенностями структуры двух романов. «Фальшивомонетчики» – это в первую очередь **метароман**, тогда как «Бесов» нельзя отнести к этому типу жанровой структуры. Безусловно, не раз отмечалось, что «Бесам» присущи некоторые черты метаромана. Во-первых, один из героев как бы является автором того самого произведения, которое представлено на суд читателя; во-вторых, он нередко использует термины литературного метатекста и, бывает, размышляет о том, как построить свое повествование. В-третьих, многие персонажи «Бесов» в той или иной степени причастны к литературе: Степан Верховенский, Кармазинов, Игнат Лебядкин, Липутин, Шигалев.

Однако при всем том «Бесы» – не метароман, так как произведение здесь не обсуждается *как целое, как особый мир*. Метароман всегда строится как попытка разрешения проблемы соотношения искусства и действительности. Но Достоевский слишком погружен в этическую проблематику, чтобы сделать тот шаг, который отделяет «Бесов» от метаромана. Его волнует не то, как соотносятся искусство и действительность, а то, как разрешить проблемы самой действительности. Сакральное слово, наполняющее собой роман, препятствует проникновению слова поэтического, которое в сознании Достоевского оказывается «человеческим, слишком человеческим». В «Фальшивомонетчиках» же **религиозно-этическая оценка нравственности**, характерная для «Бесов», уступает место ее **эстетической и философской оценке**, в сфере которой оказывается и представление о роли искусства в человеческой жизни.

¹ 1) «...Вы только представьте себе, что мы располагаем дневником “Воспитания чувств” или “Братьев Карамазовых”, историей произведения, что мы знаем, как оно вызревало!». См.: *Жид А. Фальшивомонетчики // Жид А. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4.*

М., 2002. С. 176. Роман везде цитируется по этому изданию. Далее страницы указываются в тексте, в скобках после цитаты; 2) «...Я очень хорошо понимаю Дмитрия Карамазова в тот момент, когда он спрашивает у своего брата, понимает ли тот, что можно убить себя просто от восторга, от обыкновенного избытка жизни... разлететься на части» (С. 254–255). Отсылку к роману «Идиот» можно увидеть в рассуждении о смертной казни (С. 357).

² *Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 10. С. 422.* Роман цитируется по этому изданию. Далее страницы указываются в тексте, в скобках после цитаты.

³ *Достоевский Ф.М. У Тихона // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 11. С. 9.*

⁴ Там же. С. 10.

⁵ *Лотман Ю.М. О русской литературе классического периода // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 596–597.*

⁶ Там же. С. 598.